

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЕС И НАТО В КОНТЕКСТЕ ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ольга Бычковская

В Европе и в Евроатлантическом регионе в целом плотность разнообразных институтов международного взаимодействия по вопросам безопасности является наиболее высокой в мире. Основными организациями, деятельность которых так или иначе затрагивает проблематику безопасности в регионе, являются ОБСЕ, ЕС, НАТО, Совет Европы, СНГ, ОДКБ, а также ООН и ряд структур, ориентированных на развитие субрегионального сотрудничества. Все они призваны предоставить широкий диапазон средств для решения общих задач безопасности и выработки международного комплексного подхода к урегулированию кризисов и проведению операций.

Однако перегруженность международно-политического ландшафта Европы и евроатлантического пространства разнообразными многосторонними структурами приводит к тому, что на деле комплексный подход ведет к наращиванию потенциала их взаимозаменяемости и дублированию функций. Организации конкурируют и взаимно уменьшают эффективность друг друга и тем самым снижают эффективность общей системы евроатлантической безопасности.

Наиболее очевидным примером такой конкуренции являются взаимоотношения по линии ЕС—НАТО. Принимая во внимание высочайший по международным меркам уровень доверия и взаимозависимости между участниками, 21 государство стало членом обеих организаций одновременно, чем был достигнут предел географического расширения НАТО и Евросоюза на современном этапе.

В этой связи возникает ряд вопросов: каково соотношение ЕС и НАТО на евроатлантическом пространстве, учитывая перекрестное членство в них большинства государств? Как это соотношение выражается на практике? Насколько возможно распределение обязанностей и ролей между ЕС и НАТО или же неизбежна конкуренция между ними обречена принимать все более острые формы? Как обеспечить их взаимодополняемость и взаимодействие в рамках зачастую противоречивых трансатлантических отношений?

Эти вопросы, равно как и иные проблемы трансатлантической (и европейской) безопасности, находятся в центре внимания экспертов

и специалистов-международников, а поиск ответов на них ведет к ревизии архитектуры евроатлантической безопасности. Так, в июне 2008 г. в Берлине президент Российской Федерации Д. Медведев инициировал разработку Договора о европейской безопасности, имеющего обязательную правовую силу; год спустя ОБСЕ запустила «процесс Корфу» для более предметного и обстоятельного рассмотрения российской инициативы; одновременно на саммите НАТО в ноябре 2010 г. принята новая стратегическая концепция, призванная сделать организацию более эффективной, активной и действенной [14].

В свете вышеизложенных фактов актуальность тематики статьи не вызывает сомнений. Она определяется необходимостью оценки развития системы безопасности в регионе, определения ее особенностей на современном этапе и мотиваций основных «игроков». Взаимодействие ЕС и НАТО, изменения, происходящие в самих организациях, трансформация форм сотрудничества существенно влияют на интеграционные процессы в Европе и на характер трансатлантических отношений. В силу указанных обстоятельств возрастает необходимость получения объективных знаний о фактической стороне этого взаимодействия.

Более того, следует учитывать, что круг основных игроков не ограничивается членами ЕС и НАТО — равным образом и Россия стремится играть активную роль в европейской и международной системе безопасности. Ей присуще глубокое, долгосрочное и растущее недовольство развитием ситуации в Европе после распада Советского Союза [2]. Начавшийся в 1994—1995 гг. процесс расширения альянса на Восток, потенциальная возможность расширения НАТО на Украину (что воспринимается Россией как серьезная угроза ее безопасности [1, с. 24]) открыто или подспудно питают российские подозрения и возрождают конфронтационную психологию соперничества. Параллельное расширение ЕС, усиление американского военного присутствия в Центральной Азии, европейская политика соседства — все эти факторы не способствуют рассмотрению Россией Евросоюза и НАТО в качестве партнеров в сфере сотрудничества по вопросам безопасности.

Автор:

Бычковская Ольга Михайловна — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Челядинский Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Володькин Андрей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института экономики Национальной академии наук Беларуси

Сегодня, когда отношения Беларуси с ЕС и НАТО в силу различных обстоятельств оказались на переходном этапе, когда при наличии институтов и механизмов взаимодействия стороны вновь стоят перед выбором будущего характера сотрудничества, изучение особенностей взаимодействия Евросоюза и Североатлантического альянса представляется необходимым не только для формирования политики в отношении каждой из организаций, но при определенных условиях и формулирования позиции в отношении «треугольника» ЕС—Россия—НАТО.

Целью статьи является изучение взаимоотношений ЕС и НАТО на современном этапе, оценка их характера и практического содержания, а также влияния взаимодействия организаций на развитие евроатлантической системы безопасности.

В целом изучение трансатлантических отношений после окончания «холодной войны», феномена интеграции ЕС и трансформации НАТО широко представлено в работах российских и зарубежных историков-международников. При этом следует учитывать традиционное разделение западного экспертного сообщества на европеистов и атлантистов, где, в частности, существенное значение имеют традиции национальных школ. Французские авторы, как правило, выступают за независимые от Североатлантического альянса военные силы ЕС; британские эксперты остаются весьма осторожны в своих оценках и подчеркивают необходимость параллельно укреплять трансатлантическое сотрудничество. В свою очередь, американские исследователи подчеркивают необходимость развивать и укреплять взаимодействие союзников в первую очередь по линии НАТО [2; 11]. Различные аспекты развития евроатлантических отношений затрагиваются в публикациях влиятельных западных аналитических центров, таких как Фонд Маршалла, Институт ЕС по вопросам безопасности, Центр стратегических и международных исследований [12; 15; 16; 18; 20]. Что касается российских экспертов, проблематика трансатлантических отношений всегда была в фокусе их интересов. Однако вопросы взаимодействия по линии ЕС—НАТО традиционно рассматриваются лишь отдельными авторами, среди которых следует назвать Ю. Давыдова [3], Н. К. Арбатову [4], М. Носова [6], О. В. Приходько [7], М. А. Троицко [9]. Среди белорусских исследователей изучением вопроса в том или ином аспекте занимались А. А. Розанов [8, с. 26—43] и Л. М. Хухлындина [10]. Особо следует отметить сборник материалов международного семинара «НАТО: вызовы настоящего и будущего», состоявшегося в Минске 10 декабря 2009 г., в котором представлены статьи по различным аспектам европейской и международной безопасности и деятельности НАТО на современном этапе [5].

Институциональная структура

Не углубляясь в детали институционализации отношений между Евросоюзом и Североатлантическим альянсом, отметим лишь, что роль Вашингтона в решении вопросов евроатлантической безопасности изначально являлась значительной, если не преобладающей. До конца 1990-х гг. НАТО доминировала как основной институт обеспечения безопасности в регионе и замыкала на себе развитие потенциала европейских союзников и все основные коллективные механизмы принятия решений в политике безопасности и обороны. Данный период определяли, в частности, первые соглашения между НАТО и ЗЕС — так называемые Берлинско-Брюссельские договоренности 1994—1996 гг.

Выдвинутая в декабре 1998 г. франко-британская инициатива (Декларация Сен-Мало) о наделении ЕС собственным оперативным потенциалом в сфере безопасности и обороны открыла новый этап в развитии как ЕС, так и его отношений с НАТО [10, с. 103]. Для Брюсселя главным вопросом повестки дня, к которому оказалось приковано пристальное внимание со стороны и США, и НАТО, стала выработка модели автономного от Вашингтона потенциала в области кризисного реагирования, а также конкретные практические усилия в этом направлении.

Долгое время США преобладали двойственное отношение к проведению независимой Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО). Поддерживая на словах европейскую интеграцию и зачастую играя немаловажную роль в ее развитии, Вашингтон с подозрением относился к растущей роли ЕС в сфере безопасности, предполагая, что это ослабит роль Североатлантического блока как главного института безопасности в регионе и таким образом подорвет американское влияние в Европе.

В распространенной в декабре 2002 г. совместной декларации о ЕПБО организации приветствовали стратегическое партнерство, установленное между ЕС и НАТО в области кризисного регулирования и основанное на разделяемых ценностях, неделимости безопасности и решимости отвечать на вызовы нового столетия [18, р. 70]. Присущая ЕПБО двойственность, которая заключается в сочетании европейского и атлантистского направлений, сохранилась, однако на данном этапе баланс сместился в сторону усиления европейских структур, главным образом, на уровне принятия решений. Если раньше исключительно НАТО представляла собой основной механизм многостороннего сотрудничества, позволяющий европейским союзникам совместно работать в области обороны, то теперь появился выбор. При этом следует учесть тот факт, что равнозначно активное участие стран ЕС в программах НАТО и в ЕПБО представляется трудноосуществимым, в первую очередь, вследствие ограниченности ресурсов, выделяемых в рамках государственных бюджетов на по-

добные статьи. В данных реалиях принятие государством решений о распределении расходов между участием в программах НАТО и реализации ЕПБО может наглядно свидетельствовать о практическом воплощении атлантистского или европейского настроя правительства [4, с. 13].

В марте 2003 г. между руководством ЕС и НАТО были подписаны соглашения «Берлин Плюс», которые зафиксировали независимость организаций. С формулировкой «стратегическое партнерство» декларируется принцип политической автономности европейских союзников в процессе принятия решений. Тем не менее, фактически заложенная ранее «натоцентричная» (т. е. ориентированная на НАТО) модель отношений сохранилась. Отсутствие единого прочтения соглашений «Берлин Плюс», которые, к слову, не носят юридически обязательного характера, привело к появлению трудностей как между союзниками, так и в отношениях с третьими сторонами. При этом неопределенность соглашений лишь подчеркивает неустойчивость модели будущего развития отношений ЕС и НАТО [15, р. 290].

Новой ступенью в развитии ЕПБО стал Лиссабонский договор, вступивший в силу 1 декабря 2009 г. Институциональные изменения, касающиеся сферы безопасности и обороны, основываются на реформе центральных органов ЕС с целью повышения их эффективности и предотвращения конкуренции с НАТО в этой области. Созданы два новых поста — президента Европейского совета, который является представителем Евросоюза на международном уровне по вопросам ОВПБ [17, р. 18], и высокого представителя ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности, несущего ответственность за координацию военных и гражданских аспектов операций по урегулированию конфликтов [17, р. 36]. Официально расширен объем «Петерсбергских задач» (гуманитарные и спасательные операции, операции по поддержанию мира, миротворчество, а также военное вмешательство для урегулирования конфликтов), которые отныне связываются с борьбой против международного терроризма [17, р. 35]. К проблемным положениям Лиссабонского договора можно отнести то, что в нем по-прежнему фиксируется прерогатива интересов государств — членов ЕС в области внешней политики и обороны, очевидно сокращение роли центральных органов ЕС в вопросах безопасности и обороны (Еврокомиссии и Европарламента), а также отсутствует детальное регулирование деятельности двух новых постов, что грозит возникновением трений и противоречий в пересекающихся областях ответственности.

Таким образом, за годы институционализации отношений ЕС и НАТО выработали модель сотрудничества, которая на сегодняшний день, несмотря на определенные ограничения и отступления, официально характеризуется термином «стратегическое партнерство». Представляется целесообразным детально рассмотреть тен-

денции межорганизационного сотрудничества и практические усилия ЕС и НАТО по реализации декларативно заявленного партнерства.

Тенденции межорганизационного сотрудничества

В развитии взаимоотношений Европейского союза и Североатлантического альянса в системе евроатлантической безопасности следует отметить следующие тенденции.

Расширение состава ЕС и НАТО, которые постепенно приобретают почти общеевропейский охват. Эти процессы декларируются как независимые, но дополняющие друг друга. При этом в историческом контексте вступление в НАТО для ряда стран являлось по сути обязательным условием последующего присоединения к ЕС. Можно оспорить довод многих американских аналитиков о том, что европейские столицы вольно или невольно поменяли углубление интеграции на ее расширение — ведь тенденция к расширению равновелико применима и к Североатлантическому блоку.

Развитие взаимодействия ЕС и НАТО с не входящими в них странами (главным образом, с СНГ). Собственно, вовлечение идет с позиции сфер влияния, и конфликтными становятся регионы, где передел сфер влияния потенциально осуществим. Так, будучи для большинства стран СНГ ведущим торговым партнером, Евросоюз предлагает им перспективу ассоциации и более тесного сближения, включая введение режима свободной торговли, в обмен на гармонизацию экономического регулирования, технических стандартов, базовых принципов политического устройства [1, с. 13]. Широкий отклик получили современные партнерские проекты ЕС: Политика соседства и Восточное партнерство, направленные на те страны, которые априори готовы на большее сближение. В свою очередь, НАТО налаживает взаимодействие с третьими странами посредством вовлечения в программу «Партнерство ради мира» (ПРМ). По состоянию на конец 2010 г., в проект ПРМ вовлечено 50 стран-участниц, из них 28 союзников и 22 партнера [5, с. 6].

«Разделение труда» между организациями. В ходе урегулирования конфликтов в бывшей Югославии (в Боснии и Герцеговине в 1995 г., в Косово в 1999 г.) сложилась, а впоследствии закрепились следующая практика взаимодействия: при ведущей политической роли ООН альянс брал на себя решение задач обеспечения безопасности, а ЕС играл ключевую роль в восстановлении экономики [12, р. 42].

Функциональные коррективы в деятельности структур. Если изначально НАТО являлась организацией коллективной обороны, а ЕС — экономической интеграции, то в последние годы происходит определенная корректировка этих функциональных направлений. Сокращая масштабы своей военной активности и размеры потенциа-

ла в Европе, альянс начинает подключаться к урегулированию внеевропейских кризисов, в то время как Евросоюз расширяет деятельность в сфере безопасности, участвует в кризисном урегулировании в Европе и за ее пределами, в противодействии новым вызовам и угрозам.

Сложности взаимодействия ЕС и НАТО

При сформированных институтах и установленных тенденциях сотрудничества между ЕС и НАТО на практике упомянутые структуры сталкиваются с рядом сложностей, связанных с институциональными, финансовыми и военными аспектами взаимодействия на современном этапе.

1. Основные проблемы, с которыми сталкиваются организации в институциональной сфере, связаны с определенным бюрократическим тушиком, возникшим после расширения ЕС в 2004 г. Он характеризуется положением, при котором Кипр и Мальта не получили доступа к информационным протоколам НАТО и, соответственно, не могут принимать участие в заседаниях на уровне Североатлантического совета — Комитет по политике и безопасности ЕС (КПБ), которые являются основным механизмом взаимодействия Брюсселя и Вашингтона (так называемая «проблема участия»). Ситуация «двойного вето» состоит в поочередном блокировании Турцией и Грецией расширения повестки дня заседаний Североатлантического совета — КПБ ЕС и внесения на совместное обсуждение организаций ряда новых вопросов. Эти проблемы, ставшие следствием как несовершенства институциональной структуры сотрудничества, так и политики отдельных государств-членов, вылились в ситуацию, когда развитие диалога ЕС и НАТО по основным вопросам европейской и международной безопасности оказалось заблокированным [20, р. 233].

2. Сложности возникают и на уровне финансового обеспечения деятельности организаций. Главным фактором является отсутствие у европейцев единства в вопросах военных расходов на нужды вооруженных сил. Сказывается и тот факт, что в связи с экономическим кризисом в ЕС военные бюджеты в большинстве государств подверглись сокращению из-за необходимости снизить бюджетный дефицит. Только 6 из 26 европейских союзников по НАТО расходуют на эти цели более 2 % ВВП [19]. Кроме того, в связи с развитием ЕПБО потребовалось решить насущные вопросы финансирования потенциальных военных операций Евросоюза. Ряд стран, включая Бельгию, Нидерланды, Италию и Францию, выступали за совместное финансирование военных расходов ЕС из бюджета Союза, в то время как другие государства настаивали на принципе расходов «по факту» проведения операций [12, р. 30], т. е. когда расходы несут только те страны, которые участвуют в операциях. Консенсус был найден посредством разделения общих издержек на три вида: связанных со

штабами, развертыванием войск и другими видами деятельности [9, с. 84]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что ограниченность ресурсов и противоречия по вопросу системы финансирования операций в рамках ЕС и НАТО, при невозможности увеличения в ближайшем будущем расходов стран-членов на оборону, делают актуальным вопрос о повышении эффективности управления финансами. Речь, прежде всего, идет о внутренних реформах в рамках НАТО и о развитии коллективных механизмов финансирования в рамках ЕС.

3. В настоящее время в сфере военного кризисного реагирования Брюссель сохраняет зависимость от Вашингтона в том, что касается планирования, командования, контроля и системы коммуникаций. Особенностью кризисного реагирования каждой из организаций является то, что НАТО берет на себя в большей степени военные задачи в конфликтах «высокой интенсивности», а Евросоюз стремится реализовывать задачи более широкого спектра, включая гражданское кризисное реагирование в конфликтах «низкой интенсивности». Функционально институты ЕПБО в существующем на сегодня виде предназначены для проведения относительно небольших военных, гражданских и комплексных антикризисных операций [18, р. 72]. В 2006 г. было объявлено о полной боеготовности Сил реагирования НАТО (*NRF — NATO Response Force*), которые способны выполнять задачи в любой точке мира, а также проводить операции любого типа [5, с. 94]. По сути новые Силы реагирования (СР) должны стать свидетельством того, что страны ЕС, несмотря на эффективное развитие ЕПБО, продолжают поддерживать НАТО. Хотя контингенты состоят из национальных подразделений, выделяемых государствами в порядке ротации, на данный момент СР полностью комплектуются европейскими военнослужащими, а США предоставляют только отдельные виды боевого обеспечения. В условиях ограниченности количества военнослужащих в Европе большинство из них приписано сразу и к силам ЕС, и к СР НАТО, что создает проблему «фиктивного участия». С развитием оперативно-тактических групп ЕС сфера его потенциальных разногласий с альянсом может расширяться в силу того, что существующие сегодня программы инвестиций не соответствуют потребностям современных многонациональных сил [5, с. 94].

Таким образом, изначально заложенные ограничения на уровне политических соглашений, кризис на институциональном уровне, а также трудности финансового и военного взаимодействия усиливают расхождения в позициях стран и сдерживают взаимодействие организаций. Сотрудничество затрудняется необходимостью поиска внутреннего консенсуса в ЕС и НАТО между странами, отличающимися повышенной лояльностью в отношении Вашингтона, и сторонниками более независимого курса.

Практическое взаимодействие ЕС и НАТО

Первая самостоятельная военная миссия ЕС, начатая 31 марта 2003 г. в г. Скопье (Македония) и получившая название «Конкордия», была успешно завершена в декабре того же года, при тесном сотрудничестве с представителями НАТО [12, р. 44]. Дальнейшее применение на практике соглашений «Берлин Плюс» проходило менее гладко.

Второй операцией стала миссия Евросоюза в Боснии и Герцеговине «Алтея», которая стартовала в декабре 2004 г. и стала самой масштабной акцией, предпринятой ЕС в рамках ЕПБО. Операция ЕС пришла на смену Силам по стабилизации НАТО (*SFOR*) [12, р. 41], причем альянс хотел сохранить военное присутствие в стране после передачи полномочий Брюсселю. Однако руководство ЕС выступило против дублирования усилий, и после нескольких раундов переговоров основная роль была закреплена за силами ЕС, структуры НАТО сокращены, а функции четко разграничены.

Нельзя не отметить, что опыт сотрудничества ЕС и НАТО в данном случае уникален по двум причинам. Во-первых, Босния и Герцеговина являлась частью региона, который представляет стратегический интерес для государств-членов. Во-вторых, обе организации заявили, что конечной целью их действий является интеграция Боснии и Герцеговины в евроатлантические структуры. И, наконец, совместная операция не ограничилась только военной составляющей, но включила в себя элементы стабилизации и реконструкции в регионе. Таким образом, перспектива расширения членства в обеих организациях стала весомым фактором улучшения эффективности их взаимодействия при осуществлении операции.

Для сравнения приведем показательный пример сотрудничества вне рамок системы «Берлин Плюс», которым стала совместная работа во время гуманитарного кризиса в провинции Дарфур (Судан). В отличие от вышеописанной миссии «Алтея» при осуществлении помощи Африканскому союзу Евросоюз и альянс фактически действовали независимо друг от друга, дублируя усилия в выполнении задач и конкурируя между собой на политическом уровне. В частности, спор возник по поводу места расположения единого командного центра: ЕС предлагал задействовать Европейский центр международных перевозок в г. Эйндховене (Нидерланды), а НАТО – Штаб ВГК ОВС НАТО в г. Монсе (Бельгия) [13, р. 5]. Заметим, что центры находятся на расстоянии менее 170 км друг от друга. Сторонам не удалось прийти к соглашению: вместо оперативности и быстрого реагирования велись изнурительные споры, а процесс принятия решений затягивался. В итоге было принято решение создать два независимых командных центра [13, р. 4].

Отдавая себе отчет в том, что международная безопасность приобретает глобальное измерение, НАТО решительно взяла курс на участие

в операциях «вне зоны ответственности», за пределами евроатлантического региона [5, с. 95]. Со стороны НАТО постепенно сложилась практика вмешательства в конфликты без мандата ООН, а тенденцией стало образование коалиций государств, которые от имени международных организаций (или по собственному коллективному решению) реализовали международный мандат на вмешательство (например, коалиции при лидерстве США в операциях в Ираке и Афганистане) [1, с. 77]. В контексте поддержания международной безопасности следует отметить тенденцию к привлечению ЕС к постконфликтному урегулированию, становлению гражданского общества, стабилизации ситуации. Так, возможности для расширения сотрудничества ЕС и НАТО открылись в Афганистане, где необходимы работники гуманитарных организаций, советники по вопросам развития, управленцы, инженеры, судьи, полицейские. Принимая во внимание, что гуманитарными ресурсами обладают контингенты ЕС, но не миротворцы НАТО, гражданская миссия в рамках ЕПБО могла бы оказать ценную поддержку миссии альянса в Афганистане, помогая укреплять правовое государство и организовывать учебную подготовку местных сотрудников полиции [5, с. 96]. На настоящий момент в Афганистане осуществляется полицейская миссия ЕС (*EUPOL Afghanistan*), в рамках которой Евросоюз вовлечен в реконструкцию и развитие страны [20, р. 235].

Из приведенных примеров практического взаимодействия ЕС и НАТО можно сделать вывод, что различные политические приоритеты и разное видение роли и задач каждой из организаций существенно ограничивают их потенциал сотрудничества как в регионе, так и на всем пространстве международной безопасности. Проведенный анализ взаимодействия организаций в сфере евроатлантической безопасности позволяет утверждать, что декларативный уровень отношений не соответствует практическому содержанию сотрудничества. Стратегическое партнерство реализуется лишь в тех отдельных случаях, когда, с одной стороны, совпадают позиции стран-членов и, с другой — организациям удается на практике прийти к соглашению относительно распределения сфер деятельности.

В целом взаимоотношения Европейского союза и Североатлантического альянса после окончания «холодной войны» претерпели значительные изменения в контексте евроатлантической безопасности. Основной линией выстраивания взаимодействия организаций стало развитие Евросоюзом ЕПБО, определение соответствующей европейской политики НАТО и налаживание двусторонних связей между союзами. Изначально этот процесс характеризовался зависимостью действий Брюсселя от Вашингтона, но затем на системном уровне трансформировался во взаимозависимость. Последняя стала следствием эволюции отношений от «натоцентричной» модели к иной, предполагающей раз-

вите отношений между двумя самостоятельными, хотя и неравными «игроками» в сфере безопасности.

В отношении качества взаимодействия ЕС и НАТО в евроатлантическом регионе можно сделать вывод, что нынешняя конфигурация отношений выглядит противоречивой и даже в чем-то контрпродуктивной. С одной стороны, это сотрудничество, с другой — политическая конкуренция, усиливающаяся из-за несовпадения взглядов стран-членов на функции и задачи каждой из организаций, а также институционально заложенного дублирования функций в ряде сфер. Организации оказались не самым лучшим образом приспособлены наладить полноценный диалог и в области практического взаимодействия, на что указывают проблемы, связанные с принятием решений в ходе миссии «Алтея», и сложности в Судане. В настоящее время тенденция к

конкуренции является преобладающей по всем направлениям: проектов практического взаимодействия Европейского союза и Североатлантического альянса немного, а учитывая сложности в их отношениях на институциональном уровне, перспектива появления новых совместных программ в краткосрочном плане невелика.

Можно прийти к заключению, что хотя сегодня ЕС и НАТО развивают взаимодействие по ряду направлений, в системе евроатлантической безопасности результаты сотрудничества остаются недостаточными. Взаимоотношения организаций на практическом уровне не соответствуют заявленному декларативно стратегическому партнерству: нарастает их функциональная взаимозаменяемость, что ведет к возникновению элементов деструктивной конкуренции в подходах к таким сферам деятельности, как миротворчество и противодействие новым угрозам безопасности.

Литература

1. Архитектура евроатлантической безопасности / под ред. И. Ю. Юргенса, А. А. Дынкина, В. Г. Барановского. — М.: Экон-Информ, 2009. — 124 с.
2. Грэм, Т. Трансатлантическая безопасность: нужна ли ревизия? Новые угрозы и новые подходы / Т. Грэм [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. — Режим доступа: <<http://www.globalaffairs.ru/number/Transatlanticheskaya-bezopasnost-nuzhna-li-reviziya-14877>>. — Дата доступа: 20.02.2011.
3. Давыдов, Ю. Стратегические культуры США и Европы / Ю. Давыдов // США—Канада: экономика, политика, культура. — 2006. — № 3. — С. 48—71.
4. Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского союза / отв. ред. Н. К. Арбатова. — М.: ИМЭМО РАН, 2009. — 118 с.
5. НАТО: вызовы настоящего и будущего: материалы междунар. семинара, Минск, 10 дек. 2009 г. / редкол.: А. В. Русакович [и др.]. — Минск: Тесей, 2010. — 100 с.
6. Носов, М. Зачем Европе собственная армия? / М. Носов // Современная Европа. — 2005. — № 1. — С. 62—96.
7. Приходько, О. В. Какая Европа нужна США? / О. В. Приходько // США—Канада: экономика, политика, культура. — 2006. — № 2. — С. 45—69.
8. Розанов, А. А. Внешняя политика США: актуальные аспекты / А. А. Розанов. — Минск: Технология, 2008. — 103 с.
9. Троицкий, М. А. Трансатлантический союз. 1999—2004. Модернизация системы американско-европейского партнерства после распада биполярности / М. А. Троицкий. — М.: ИСКРАН, 2004. — 249 с.
10. Хухлындина, Л. М. Европейский союз: становление и развитие / Л. М. Хухлындина. — Минск: РИВШ БГУ, 2004. — 254 с.
11. Asmus, R. Rethinking NATO Partnerships for the 21st Century / R. Asmus [Electronic resource] // North Atlantic Treaty Organisation. — Mode of access: <<http://www.nato.int/docu/review/2008/03/ART4/EN/index.htm>>. — Date of access: 22.11.2010.
12. Lindstrom, G. EU—US burdensharing: who does what? / G. Lindstrom. — Paris: Institute for Security Studies, 2005. — 117 p.
13. Monaco, A. Supporting the African Union in Darfur: a test for EU—NATO partnership / A. Monaco, C. Gourlay [Electronic resource] // European Security Review. — 2005. — June. — P. 3—5. — Mode of access: <http://www.isis-europe.org/pdf/esr_27.pdf>. — Date of access: 22.11.2010.
14. NATO Launches an Ambitious Agenda for Lisbon Summit [Electronic resource] // North Atlantic Treaty Organisation. — Mode of access: <http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_68431.htm>. — Date of access: 22.11.2010.
15. Solana, J. Relation UE—OTAN / Discours de Javier Solana à la Session d'Ouverture du Séminaire Relatif à la Relation UE—OTAN / J. Solana // Sécurité et Défense de l'UE: Textes fondamentaux 2008. — Paris: Institut d'Etudes de Sécurité, 2009. — P. 289—291.
16. Transatlantic Trends: Key Findings 2010 [Electronic resource] // The German Marshall Fund of the United States. — Mode of access: <http://www.gmfus.org/trends/doc/2010_English_Key.pdf>. — Date of access: 27.02.2010.
17. Treaty of Lisbon // Official Journal of the European Union. — 2007. — Vol. 50, C 306. — P. 1—271.
18. What Ambitions for European Defense in 2020? / ed. by A. de Vasconcelos. — Paris: The European Union Institute for Security Studies, 2009. — 170 p.
19. World Military Expenditures [Electronic resource] // The World Factbook. Central Intelligence Agency. — Mode of access: <<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2034.html>>. — Date of access: 27.02.2010.
20. Zaborowski, M. Capitalising on Obamania: how to reform EU—US relations? / M. Zaborowski // The Obama Moment. European and American perspectives / ed. by A. de Vasconcelos, M. Zaborowski. — Paris: EU Institute for Security Studies, 2009. — P. 229—239.

«Взаимоотношения ЕС и НАТО в контексте евроатлантической безопасности» (Ольга Бычкова)

Статья посвящена проблеме взаимоотношений ЕС и НАТО на современном этапе, которая исследуется в контексте евроатлантической безопасности. В работе рассматриваются этапы институционализации отношений между ЕС и НАТО, выявляются тенденции сотрудничества между ор-

ганизациями, анализируются сложности практического взаимодействия по обеспечению безопасности. Автор делает вывод, что взаимоотношения Европейского союза и Североатлантического альянса после окончания «холодной войны» претерпели значительные изменения, однако их нынешняя конфигурация выглядит противоречивой и в целом не соответствует декларативно заявленному стратегическому партнерству.

«EU and NATO Relationship in the Framework of Euro-Atlantic Security» (Volha Bychkouskaya)

The article is focused on the issue of the current EU—NATO relations in the framework of Euro-Atlantic security. It examines institutional periods of the EU—NATO relationship, defines the trends in the cooperation between the two organizations, analyses complications in practical realization of coordinated actions on ensuring the security. The author has made a conclusion that the relationship between the European Union and the North Atlantic Alliance after the Cold War has undergone serious changes. However, its actual configuration looks controversial and in general does not correspond to the declared Strategic Partnership.

Статья поступила в редакцию в марте 2011 г.